

Векторы смысла О функциональном подходе к переводу

Д.М. Бузаджи

Что передаётся в переводе? Вопрос, казалось бы, праздный. В переводе передаётся смысл. Так, например, В.С. Виноградов указывает: «Следует решительно подчеркнуть, что главное в любом переводе — это передача смысловой информации текста. Все остальные её виды и характеристики, функциональные, стилистические (эмоциональные), стилевые, социолокальные и т. п. не могут быть переданы без воспроизведения смысловой информации, так как всё остальное содержание компонентов сообщения наслаивается на смысловую информацию, извлекается из неё, подсказывается ею, трансформируется в образные ассоциации и т. п.»¹. В целом с этим нельзя не согласиться, но этот ответ рождает новые вопросы.

Дело в том, что, как хорошо известно, передать всю информацию, содержащуюся в тексте оригинала, невозможно. Следовательно, переводчик вынужден постоянно решать, какую информацию в переводе следует сохранить во что бы то ни стало, какой можно пожертвовать, а какую нестрашно и привнести. Конечно, в наиболее простых случаях этот отбор совершается интуитивно и ни у кого не вызывает возражений. Десять человек из десяти признают перевод фразы *В истории России было много междоусобных войн* — *Russian history has seen*

a lot of internecine wars вполне адекватным и не посчитают за ошибку то, что внутренняя форма русского *междоусобный* напоминает выражение *между собой, у себя*, а английское *internecine* имеет латинское происхождение и происходит от слова *убивать*. Главное не происхождение и внутренняя форма, а значение.

Но вот другой контекст. У Лескова в «Левше» встречаем: «Объездил он [император Александр Павлович — прим. Д.Б.] все страны и везде через свою ласковость всегда имел самые **междоусобные** разговоры со всякими людьми». Здесь, разумеется, ни *internecine*, ни *civil*, ни *intestine* не подойдут, так как словарное значение слова «междоусобный» ушло на второй план (скорее даже, комически трансформировалось в противоположное), а на первый план выступили как раз внутренняя форма и ассоциации (именно из-за них сказовый рассказчик у Лескова спутал книжное слово с чем-то простым и мирным вроде *свойский, душевный*). Переводчик Уильям Эджертон блестяще справился с задачей: “He travelled through all the nations, and everywhere his friendliness always helped him get into the most **intimidating** conversations with all kinds of people”. То же самое изменение значения с отрицательного на положительное за счёт ошибочной ассоциации (*intimidating* — *intimate*). И так, в обоих случаях мы передавали смысл, но смыслы получились разные.

¹ Виноградов В.С. Введение в переводоведение. — М.: ИОСО РАО, 2001. — С. 20.

Теоретические основы

Из-за того что полностью весь объём информации, восстанавливаемой из оригинала, передать в переводе невозможно, возникла так называемая теория непереводаемости. Бывает, что доводы против или в защиту того или иного переводческого решения или подхода отвергаются по той причине, что перевод даёт лишь одну из возможных интерпретаций, а значит, любой подход в равной мере и хорош и плох. В ответ уместно будет процитировать слова В.Н. Комиссарова о том, что «невозможность воспроизвести в переводе какую-то особенность оригинала — это лишь частное проявление общего принципа нетождественности содержания двух текстов на разных языках» и что «отсутствие тождественности отнюдь не мешает переводу выполнять те же коммуникативные функции, для выполнения которых был создан текст оригинала»².

В.М. Дорошевич приводит в одном фельетоне слова французского гастронома А. Брийа-Саварена: «Если мы обречены есть, — будем есть хорошо». То же самое можно отнести к переводу: если человечество всегда переводило и переводить будет и если всегда были переводы хорошие, средние и плохие, то, чем отрицать их существование или закрывать глаза на их сравнительные достоинства, лучше разобраться, что надо делать, чтобы перевод был хорошим, и чего делать не надо, чтобы перевод не был плохим.

Мы, наверное, не погрешим против истины, если скажем, что в сложившейся на данный момент лингвистической школе перевода — в том виде, как она разрабатывается в МГЛУ, — закрепился **функционально-коммуникативный** подход. Иными словами, отбор передаваемой в переводе информации осуществляется таким образом, чтобы текст перевода в целом и отдельные его части воспроизводили **функцию** текста оригинала и соответствующих его частей и создавали тот же **коммуника-**

тивный эффект³. Причём эти функции и предполагаемый эффект устанавливаются в первую очередь с помощью анализа языковых единиц оригинала и возможных языковых единиц перевода. По сути, этот подход отражён в концепции уровней эквивалентности, предложенной А.Д. Швейцером: «Таким образом, прагматический уровень, охватывающий такие жизненно важные для коммуникации факторы, как коммуникативная интенция, коммуникативный эффект, установка на адресата, управляет другими уровнями. Прагматическая эквивалентность является неотъемлемой частью эквивалентности вообще и наслаивается на все другие уровни и виды эквивалентности»⁴.

Сразу же хотелось бы ответить на некоторые возражения, связанные с термином «коммуникативный эффект». Так, В.С. Виноградов отмечает: «В переводоведении нередко встречается тезис о том, что главным определяющим принципом эквивалентности текста является коммуникативно-функциональный признак, который складывается из равенства коммуникативного эффекта, производимого на реципиентов оригинального и переводного текстов... На самом деле восприятие переводчика и любого из получателей речи не способно оказаться одинаковым в силу самых различных личностных, культурных и социальных причин. Переводчик, например, художественной литературы, воспринимает текст не как некий неизвестный среднеарифметический носитель языка, а как данный рецептор, как конкретный служитель "высокого искусства" перевода. И конечно же, он не подгоняет свой перевод под восприятие

³ Л.К. Латышев называет этот эффект также «регулятивным». К наиболее существенным в функциональном плане характеристикам текста оригинала он относит в первую очередь содержание, а в определённых случаях также ритмику речи, рифмовку, звукопись (аллитерацию), повторы, параллелизмы и другие особенности структуры текста (Л.К. Латышев. Технология перевода. — М.: Изд. центр «Академия», 2005. — С. 30–31).

⁴ Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. — М.: Наука, 1988. — С. 86.

² Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). — М.: Высшая школа, 1990. — С. 9–10.

двух абстрактных существ: заграничного читателя икса и отечественного книголюба игрека. Потому что у этих иксов и игреков восприятие не может быть клонированным»⁵.

Безусловно, усреднённых реципиентов оригинала и перевода не существует, как не существует объективных методов проникновения в сознание даже вполне реальных носителей того или иного языка. Поэтому постулат о желаемом тождестве коммуникативных эффектов, не подкреплённый конкретным лингвистическим содержанием, приводит к вульгаризации понимания коммуникативной направленности перевода и критическим замечаниям вроде: «В оригинале звучит так-то и так-то, а в переводе звучит как-то не так». Однако, на наш взгляд, требование коммуникативной адекватности вполне справедливо, если предположить, что она достигается как раз за счёт передачи функционального и информативного «рисунка» оригинала (об этом речь пойдёт ниже).

Во-вторых, не следует, на наш взгляд, абсолютизировать множественность индивидуальных интерпретаций того или иного отрезка текста. Носители одного и того же языка всё-таки понимают друг друга. Десятки, сотни и тысячи людей, прочитавших один и тот же текст, сходятся во мнении не только относительно его фактического содержания, но и относительно его стилистических особенностей, подтекста, идейной направленности и т. п. Как отмечают авторы книги «Проблемы общей теории перевода», «если бы одни и те же художественные тексты и выведенные в них образы типа Дон-Жуана, Дон-Кихота, Манилова, Обломова и т. п. понимались совершенно по-разному членами данного социума, то воспитательная или какая-либо иная регулятивная функция художественной литературы оказалась бы равной нулю»⁶.

⁵ Виноградов В.С. Введение в переводоведение. — М.: ИОСО РАО, 2001. — С. 19.

⁶ Проблемы общей теории перевода. С.А. Семко, В.А. Калмыков, С.А. Дубянка и др. — Таллин: Валгус, 1988. — С. 104.

Если бы язык не существовал объективно, по крайней мере как общественное явление, между носителями одного и того же языка постоянно возникали бы недопонимания и недоразумения. То общее, что есть в языке, его относительно стабильное ядро выражается в норме и узусе данного языка. Без этого ядра ни одно языковое явление, ни один текст невозможно было бы признать ни грамотным, нормативным и общедоступным, ни своеобразным, эксцентричным или малопонятным. Да, усреднённых носителей языка нет, но норма и узус объективно существуют и позволяют переводчику с высокой степенью вероятности строить предположения о том, что из встреченного им в тексте является нейтральным и межстилевым, а что — узкоспециальным или экспрессивным, что грамотно и понятно, а что — безграмотно или туманно. И если переводчик встречает в газетной статье фразу “The reform is still in danger of being **amended out of** all recognition”, то он без труда установит, что употребление глагола в адвербиальной функции (когда глагол выражает не столько действие, сколько способ его осуществления) свойственно английскому языку и относительно часто встречается в публицистическом стиле. А значит, функция такого употребления в основном информативная и лишь в незначительной степени экспрессивная. А следовательно, адекватным вариантом перевода будет не формально близкое «Есть риск, что реформу исправляют до неузнаваемости», а функционально соответствующее «Есть риск, что реформу изменяют поправками до неузнаваемости».

И в-третьих, мы считаем, что за отсутствием среднестатистических реципиентов всё-таки не следует пренебрегать мнением любых реципиентов вообще. Скажем, при переводе с иностранного языка на родной переводчик должен сделать всё возможное, чтобы получить хотя бы некоторое представление о том, как переводимый текст (и отдельные его фрагменты) воспринимается в культуре языка оригинала и как текст

Теоретические основы

перевода или отдельные переводческие решения оцениваются другими носителями языка перевода. Если это художественное произведение, можно ознакомиться с критикой, уяснить, какие особенности стиля автора носители иностранного языка подмечают в первую очередь, а какие не обращают на себя внимания и т. п. Конечно, один произвольно выбранный носитель языка оригинала не даст объективной картины «усреднённого» восприятия коммуникативного эффекта. Но интересоваться мнением хотя бы одного инокультурного информанта гораздо лучше, чем всегда и во всём полагаться только на своё чувство языка. При этом, разумеется, надо понимать, что и как выяснять. Даже если информант владеет не только языком оригинала, но и переводящим языком, нет смысла спрашивать его, правильно ли будет перевести фразу икс фразой игрек. Гораздо полезнее узнать, какие ассоциации связаны с фразой икс, насколько естественно (или неестественно) она звучит в данном контексте и почему, можно ли однозначно установить, что автор имеет в виду и если нет, небрежность ли это формулировки или намеренная недосказанность, возможны ли другие интерпретации смысла фразы и какие. Собрав такие сведения, переводчик сможет дать вариант, наиболее полно отражающий функциональные особенности данного выражения.

Любопытно, что некоторые переводоведы, интуитивно признавая верность функционального подхода, противопоставляют его лингвистическому. Характерный пример такого рассуждения встречаем у Д. Робинсона: «...Стремление к эквивалентности – это важное речевое действие переводчика. Переводчик выполняет и многие другие действия со словами: старается исправить плохой текст, преподавать читателю политический или моральный урок (особенно если переводит пропагандистские материалы), произвести нужное впечатление (особенно при переводе рекламы или художественных произведений) и т. д.

Стремление к эквивалентности – это один из аспектов вербальной деятельности переводчика, очень важный но не единственный – перевод к нему не сводится»⁷. Как видно из этого утверждения, «действия со словами» – это, по сути, всё та же установка переводчика на передачу доминирующей функции текста (другой вопрос, что Д. Робинсон смешивает оправданную и необходимую в переводе передачу функциональных особенностей текста со всевозможными адаптациями, которые относятся не к переводу, а к другим видам межъязыкового посредничества⁸). Что же касается постулата о том, что процесс перевода якобы несводим к стремлению обеспечить эквивалентность, согласиться с ним можно только в том случае, если под эквивалентностью понимать полноту передачи какого-то одного вида лингвистической информации (денотативной, стилистической, синтаксической и т. д.). Если же трактовать эквивалентность в том же духе, что и А.Д. Швейцер, т.е. как иерархическую систему, в основе которой лежит эквивалентность прагматическая, иными словами функционально-коммуникативная, то возражения Д. Робинсона оказываются несостоятельными.

Коль скоро мы пришли к выводу о том, что основой переводческого процесса является передача функционально-коммуникативных свойств оригинала, постараемся разобраться, какое лингвистическое содержание скрывается за этими свойствами. Не является ли провозглашение функционального подхода всего лишь красивой ширмой, за которой скрываются всё те же банальности о «духе» оригинала, «интуиции» переводчика и том, что перевод должен «читаться как оригинал»?

⁷ Робинсон Д. Как стать переводчиком: введение в теорию и практику перевода. – М.: Кулиц-образ, 2005. – С. 148–149.

⁸ См. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990. – С. 15.

* * *

Для начала необходимо условиться, что мы имеем в виду, когда говорим о передаче функции. Функции, собственно, чего? Мы полагаем, что функциональный инвариант (т.е. сведения функционального характера, которые должны совпадать в оригинале и переводе) складывается из общей функциональной направленности текста и функционального рисунка конкретной единицы перевода, с которой переводчик работает в данный момент. Важно понимать, что учитывать только характер текста или только содержание той или иной фразы или её части недостаточно: существенная для перевода функция выявляется только тогда, когда переводчик последовательно отвечает на два вопроса: «Для чего написан данный текст?» и «Для чего в этом (именно в этом!) тексте употреблена данная фраза (или её часть)?»

Вопрос о функциональной направленности текстов тесно связан с проблемой их классификации с переводческих позиций. Мы полностью разделяем мнение К. Райса о том, что в качестве классификационного критерия должен выступать язык, а значит, «при анализе необходимо исследовать, какие функции выполняет язык в данном тексте»⁹. Хороший пример классификации текстов по их функциональной направленности можно найти у В.С. Виноградова. Он выделяет шесть типов текстов: 1) разговорные, 2) официально-деловые, 3) общественно-информативные, 4) научные, 5) художественные и 6) религиозные.

Сразу же вынесем за скобки разговорные тексты: они редко становятся объектом перевода, а если и становятся, то переводятся устно. В этой статье мы будем говорить только о письменных переводах и не потому, что функциональный подход к устному переводу неприменим, а потому, что особые условия, в которых выполняются устные переводы, по-иному расставляются функциональные акценты, и для рассмотрения их понадобилась бы отдельная ста-

тья. Что касается остальных выделенных В.С. Виноградовым типов, то с ними в целом можно согласиться. Отметим только, что группа общественно-информативных текстов, которые «содержат самую различную информацию, проходящую по каналам массовой коммуникации, газетам, журналам, радио и телевидению»¹⁰, представляется нам чересчур размытой. Мы бы предложили, по крайней мере, выделить в ней три подтипа: а) информационные тексты, у которых действительно, как пишет В.С. Виноградов, главная функция — сообщение; б) ораторские тексты (устные и письменные), ориентированные на воздействие и в) публицистические тексты, у которых наравне с функцией сообщения сильна как функция воздействия, так и эстетическая функция.

Но самое главное, на наш взгляд, заключается в другом. Ни одна классификация, какой бы продуманной она ни была, не будет достаточной для описания всех текстов, с которыми доводится иметь дело переводчику. Классификация задаёт лишь магистральные направления, описывает только самые характерные тексты, а на практике переводчик должен каждый раз самостоятельно оценивать **функциональный рисунок** того или иного текста. Мы предпочитаем говорить именно о функциональном рисунке, так как любой текст и любая значимая его часть выполняют одновременно несколько функций. Эти функции можно представить себе как «розу ветров», как ряд векторов, равнодействующая которых и определяет характер анализируемого отрывка.

Предположим, переводчик переводит для глянцевого журнала, посвящённого дорогим механическим часам. По классификации В.С. Виноградова, это общественно-информативные тексты, однако на деле их функциональный рисунок одним информативным вектором не ограничивается. Статьи такого журнала могут сочетать в себе свойства публицистических, художествен-

⁹ Райс К. Классификация текстов и методы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. — М., 1978. — С. 209.

¹⁰ Виноградов В.С. Введение в переводоведение. — М.: ИОСО РАО, 2001. — С. 16.

Теоретические основы

ных и технических текстов. Следовательно, от переводчика потребуется не просто передать «общедоступную» информацию неким «усреднённо-газетным» языком, но и отразить технические нюансы (с привлечением методик, использующихся при переводе научных текстов), и произвести на читателя соответствующее эмоциональное воздействие, и воссоздать эстетический эффект образно-выразительных средств оригинала. Так, сочетание *perpetual calendar* в такого рода статье может быть передано не только стопроцентно корректным *часы с вечным календарём*, но и разговорным *вечник* (что недопустимо в чисто научных текстах), однако серьёзной ошибкой было бы употребление в переводе слова *хронометр* в обиходном значении «хорошие, точные часы», так как в специализированных журналах это слово приобретает характер термина и обозначает только официально сертифицированные хронометры.

Ещё один важнейший параметр, который необходимо учитывать при анализе функционального рисунка текста, — его положение на шкале «авторское — общеязыковое»¹¹. Мы не ставили себе задачу разработать исчерпывающую классификацию текстов по этому критерию, однако в общих чертах она вполне очевидна. Тексты художественной литературы обладают наивысшей степенью авторской индивидуальности (оговоримся, что это ни в коей мере не относится ко всем их составным частям). Официально-деловые тексты авторской индивидуальностью не обладают. Что же касается, например, публицистических текстов, то они находятся где-то посередине шкалы и носят во многом «жанровый» характер: по сравнению с текстами, лишёнными авторского начала, они, безусловно, выглядят свежо и оригинально, но ориги-

¹¹ Отметим, что термины «авторское» и «общеязыковое», а также сама концепция обязательного учета конвенциональности языковых средств при переводе нами позаимствованы из работ В.К. Ланчикова, в т.ч. Берди М., Ланчиков В.К. Успех и успешность. Русская классика в переводах Р. Пивера и Л. Волохонской // «Мосты» № 1 (9). — М.: Р.Валент, 2006. — С. 18–31.

нальность эта зачастую общая для большинства текстов того или иного публицистического жанра.

Место, занимаемое текстом на шкале «авторское — общеязыковое», позволяет переводчику выработать стратегию передачи языковых явлений, которые так или иначе не совпадают с неким ожидаемым стандартом. В тексте договора любая авторская черта представляет собой стилистический недостаток, который в переводе должен быть исправлен. Научная статья даёт и автору и переводчику более широкий выбор допустимых языковых средств, но переводчик всё равно должен исходить из того, что выражений, слишком резко выбивающихся из научного стиля, в переводе быть не может, так как это превратит научную статью в эссе. Художественный текст — высшее проявление авторского начала; работая над ним, переводчик может и должен направить всё своё внимание на то, чтобы воспроизвести в переводе максимум черт, характеризующих индивидуальный авторский стиль.

* * *

Как мы уже упоминали выше, функциональный подход в переводе реализуется в двух планах: на уровне всего текста и на уровне отдельных его частей, представляющих собой относительные смысловые и функциональные единства, которые переводчик передает не частями, а единым блоком. Для удобства мы будем называть такие части единицами перевода (ЕП)¹². Разумеется, переводчик часто задумывается о том, как передать одно конкретное слово или даже его часть (например, фрагмент имени собственного), однако в большинстве случаев письменный переводчик всё-таки оперирует более крупными единицами: небольшими высказываниями, простыми предложениями в составе сложных, развёрнутыми синтагмами и т. п.

¹² В теории перевода термин «единица перевода» имеет различные трактовки. В данной статье мы пользуемся одной из возможных его интерпретаций.

Чтобы переводчику выбрать правильную стратегию передачи той или иной ЕП (а критику оценить правомерность выбранного решения и, соответственно, адекватность перевода), необходимо выбрать меру и характер необходимой в данном случае эквивалентности перевода. Эквивалентность мы понимаем в духе А.Д. Швейцера как «соответствие создаваемого в итоге межъязыковой коммуникации текста определённым параметрам оригинала»¹³. Таким образом, анализируя сущность функционального подхода в переводе, мы неизбежно сталкиваемся с вопросом об уровнях переводческой эквивалентности.

Как отмечает Е.В. Бреус, «многомерность и многоаспектность переводческого процесса наиболее полное отношение находит... в работах одного из основателей коммуникативной теории перевода Александра Давыдовича Швейцера»¹⁴. Однако, как нам представляется, схема уровней эквивалентности, разработанная А.Д. Швейцером, не вполне соответствует сути функционально-коммуникативного подхода и требует не просто дополнения функциональной типологией, как отмечает Е.В. Бреус, а более кардинальной перестройки.

В схеме, предложенной А.Д. Швейцером, мы видим два основных недостатка. Во-первых, представляется не вполне обоснованной иерархическая структура из прагматического, семантического и синтаксического уровней. Исследователь пишет: «В этой иерархии существует следующая закономерность: каждый уровень эквивалентности предполагает наличие эквивалентности на всех более высоких уровнях. Так, эквивалентность на синтаксическом уровне предполагает эквивалентность на семантическом (компонентном и референциальном) и прагматических уровнях. Компонентная эквивалентность предполагает также эквивалентность референциаль-

ную и прагматическую. Наконец, референциальная эквивалентность подразумевает и эквивалентность на прагматическом уровне. Обратной зависимости здесь не существует»¹⁵. Однако вполне возможны адекватные переводы, где синтаксическая и прагматическая эквивалентность соблюдена «в обход» семантической, например при переводе предложения с сохранением синтаксической структуры, но с функциональной заменой реалии и т. п.

Кроме того, трансформации, происходящие на прагматическом уровне эквивалентности, оказываются при такой схеме настолько разнообразными, что слишком многие неочевидные переводческие решения приходится объяснять в принципе верной, но чересчур туманной фразой о том, что их обусловили соображения прагматики.

Создавая свою классификацию эквивалентности, мы стремились в первую очередь приблизить её к переводческой практике и вскрыть с её помощью некоторые закономерности, которые схема А.Д. Швейцера не показывает. Основная идея, заложенная в нашей классификации, заключается в том, что разные виды эквивалентности не столько дополняют друг друга, как уровни некоей пирамиды, верхушка которой соответствует максимальной эквивалентности, сколько противоречат друг другу и зачастую даже исключают друг друга.

Происходит это по вполне понятным причинам. Слова, предложения и другие единицы любого языка одновременно выражают множество видов информации, объединённых специфическим, уникальным для каждого конкретного языка способом. И чем точнее мы пытаемся воспроизвести в переводе один тип информации, тем сильнее, как правило, приходится жертвовать другими типами, поскольку единицы языка перевода, выражающие избранный тип информации, будут неизбежно привносить с собой информацию, отсутствующую в единицах оригинала. Так, например,

¹³ Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – С. 95.

¹⁴ Бреус. Е.В. Ещё раз об экспрессивной эквивалентности // Тетради переводчика. – Вып. 25. – М.: МГЛУ, 2004. – С. 95.

¹⁵ Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – С. 85.

Теоретические основы

особенности произношения слов оригинала в переводе обычно не сохраняются, однако при передаче имён собственных или, скажем, элементов звукописи в художественных произведениях именно фонетико-графические особенности выходят на первый план.

Таким образом, переводчик вынужден постоянно решать, какая информация необходима для реализации заложенного в переводе функционального рисунка, а какая выполняет второстепенную роль.

Чтобы точнее описать те принципы, по которым переводчик выбирает, что именно подлежит передаче в переводе, а также сам процесс принятия соответствующих решений, мы разработали схему, которая одновременно служит классификацией видов переводческой эквивалентности, объясняет ряд закономерностей в выборе переводчиком того или иного уровня эквивалентности и представляет собой модель переводческого процесса, в которой сочетаются некоторые свойства семантической, трансформационной и информативной моделей.

Хотелось бы сразу оговориться, что предлагаемая модель-схема не претендует на истинность в каждом мельчайшем своём компоненте. Наоборот, было бы крайне желательно, если бы те или иные её параметры уточнялись, дорабатывались или, может быть, отвергались, если на то найдутся веские основания. Однако, как нам представляется, она в целом верно отражает сущность процесса перевода и указывает на недостаточно рассмотренные ранее закономерности и ограничения, с которыми переводчик сталкивается на практике. А значит, можно надеяться, что и в своём настоящем виде эта схема принесёт теоретическую и практическую пользу.

Прежде чем перейти к графическому изображению схемы, мы хотели бы привести основные положения, которые легли в её основу.

1) Классификация видов переводческой эквивалентности не учит переводчика

переводить (на это есть преподаватели) и не описывает все виды возможных переводческих ошибок. Задача такой классификации — дать научное толкование расхождениям в текстах оригинала (ТО) и перевода (ТП), показать, какие расхождения оправданы и способствуют адекватности перевода, а какие — нет, и помочь переводчику, имеющему представление об основах профессии, выбирать при принятии переводческих решений наиболее продуктивную стратегию. Если переводчик не владеет в достаточной мере иностранным и/или родным языком, не пользуется словарём, не «шлифует» свой перевод и т. д., ни одна схема ему не поможет.

2) Для сопоставления ТО и ТП используются два уровня, которые условно можно назвать уровнем формы и уровнем содержания. Форма (форма выражения, по Л. Ельмслеву) у каждого языка специфична. Даже в тех случаях, когда между формальными элементами двух языков наблюдается внешнее сходство, существуют различия в содержании, обозначаемом данными элементами¹⁶. Следовательно, на уровне формы мы можем оценить и сопоставить лишь **конвенциональность употреблённых языковых средств**. На уровне содержания происходит оценка и сопоставление **полноты того или иного вида информации**, выражаемого данным отрезком ТО и его (предполагаемым) переводом.

¹⁶ В своей статье «Ещё раз о буквализме» («Мосты» № 1 (17). — М.: Р. Валент, 2008. — С. 7–14) А.Л. Борисенко в качестве, надо полагать, удачного примера сохранения в переводе формы приводит передачу слова *massa* (искаж. *master* в негритянской речи) словом *масса*. Хотя фонетическая форма в таком переводе воспроизведена предельно близко (хотя и далеко не полностью), в информативности *massa* и *масса*, а следовательно, и в их коммуникативном эффекте есть серьёзные различия. Когда автор настоящей статьи в детстве читал переводные (и русские) книги, где употреблялось *масса*, автор был убеждён, что такое обращение происходит от слова *масса* (вес) и используется потому, что негр уважительно подчёркивает важность, «вес» белого человека. Ни о каких фонетических особенностях негритянских диалектов автор по слову *масса* догадаться не мог.

3) Уровень формы и уровень содержания находятся в отношениях жёсткой взаимосвязи и взаимовлияния. С одной стороны, любое содержание выражается с помощью формы – нельзя правильно передать правильно понятое содержание неподходящими элементами формы. С другой стороны, любой формальный элемент несет в себе некоторое содержание – передача первого без учёта второго ведёт к переводческим ошибкам. В языкознании принято считать, что элементы фонетического уровня языка не обладают содержанием. Однако в речевой цепи любой нюанс произношения и, соответственно, написания создаёт дополнительный оттенок смысла.

Работа переводчика по передаче конкретных единиц ТО начинается с анализа объективно представленного в тексте языкового материала, иными словами, формы. Для простоты анализа мы предлагаем выделить пять видов формы согласно традиционно выделяемым уровням языка: **фонетическая, морфологическая, словарная, синтаксическая и идиоматическая**. Так как переводчику необходимо не только понять смысл, выраженный совокупностью этих форм, но и оценить конвенциональность использованных средств, графически схему этого анализа можно представить в виде пяти выходящих из одной точки осей координат, каждая из которых соответствует своему типу формы. «Рисунок конвенциональности» в таком случае представляет собой замкнутую кривую, пересекающую оси на разном расстоянии от начала координат. Чем конвенциональнее фонетическая/графическая форма слова, его морфемный состав и значение, чем конвенциональнее анализируемая синтаксическая конструкция и чем идиоматичнее словосочетание, тем ближе к центральной точке проходит кривая. Если же те или иные виды формы носят отпечаток авторского, то кривая проходит по соответствующим осям дальше от центра.

Сразу же сделаем ряд вспомогательных комментариев. Во-первых, необходимо пояснить, что понимается под словарной и

идиоматической формами. Словарная форма определяется значением употребленных автором слов, но не содержанием этих значений, а их конвенциональностью, т.е., упрощённо говоря, соответствием реализованного в речи смысла значениям слов, зафиксированным в словаре. Здесь можно вспомнить употребление слова *междоусобный* в примере, приведённом в начале статьи, или рассмотреть передачу выражения *разговорная женщина* из того же «Левши». Очевидно, что автор использует слово *разговорная* в несвойственном ему значении: «У нас, – говорит, – когда человек хочет насчёт девушки обстоятельное намерение обнаружить, посылает **разговорную женщину**». В двух доступных нам переводах на английский переводчики применили разные стратегии: в одном случае переводчик сохранил неконвенциональное словоупотребление (“When a man wants to reveal a circumstantial intention in regard to a girl, he sends over a **conversational woman**” – Уильям Эджертон), в другом – заменил конвенциональным (“When a man wants to make known his intentions towards a girl... he sends an **old woman, a matchmaker**” – Джордж Ханна).

Идиоматическая форма приблизительно соответствует выделяемому рядом авторов фразеологическому уровню языка, однако в нашей системе такой формой обладают не только несвободные сочетания слов (фразеологизмы), но и свободные сочетания, которые могут встречаться в тексте как в стереотипном виде, так и вokkaциональном. Интересной и продуктивной для переводоведения нам представляется концепция коммуникативного фрагмента у Б.М. Гаспарова: «Коммуникативные фрагменты (КФ) – это отрезки речи различной длины, которые хранятся в памяти говорящего в качестве стационарных частиц его языкового опыта и которыми он оперирует при создании и интерпретации высказываний. КФ – это целостный отрезок речи, который говорящий способен непосредственно воспроизвести в качестве готового целого в процессе своей

Теоретические основы

речевой деятельности и который он непосредственно опознаёт как целое в высказываниях, поступающих к нему извне»¹⁷. Не вдаваясь в подробности, отметим, что привычность, узнаваемость КФ, из которых построено то или иное высказывание, определяет степень конвенциональности ЕП на идиоматической оси. Так, например, выражение *I'm glad we've had this little chat/talk*, отнюдь не являясь фразеологизмом, обладает известной степенью конвенциональности и используется как более или менее юмористическое клише, подытоживающее обмен репликами или монолог, на «беседу» не очень похожий (например, выговор, предупреждение, обмен остротами и т. п.). В переводе фразы из книги Дугласа Адамса «Детективное агентство Дирка Джентли» “Well, I'm glad we've had this little chat, my dear fellow” – «Что ж, я очень рад нашей маленькой беседе, дорогой друг» переводчица Т. Шинкарь передала слово *little* не как часть относительно устойчивого выражения, а как самостоятельную единицу, тем самым понизив степень идиоматической конвенциональности.

Во-вторых, мы отдаём себе отчет в том, что в тексте все виды формы взаимосвязаны и изменение написания приводит к сдвигам на морфологическом уровне, а смещения на уровне словарной формы могут отразиться на форме идиоматической и т. д. Однако на практике, анализируя конвенциональность того или иного отрывка ТО, полезно всё-таки определить, где именно, в первую очередь, автор отходит от общеязыкового стандарта: в необычном ли написании, отказе от общепринятого значения слова или, может быть, в нарушении привычной сочетаемости.

И, в-третьих, мы отнюдь не преувеличиваем значение «математического» компонента нашей схемы. Оси, графики, точки играют лишь вспомогательную, объяснительную роль. И, конечно, мы не пытаемся утверждать, что можно объективно

¹⁷ Б. М. Гаспаров. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: «Новое литературное обозрение», 1996. – С. 119.

подсчитать и отобразить в виде графика конвенциональность того или иного звукового искажения, употребления слова в переносном значении или синтаксической инверсии. Но график удобен, потому что нагляден. Так, разницу в конвенциональном рисунке между переводами *a conversational woman* и *an old woman, a matchmaker* можно изобразить на схеме в виде двух графиков – № 1 и № 2 соответственно (см. схему 1).

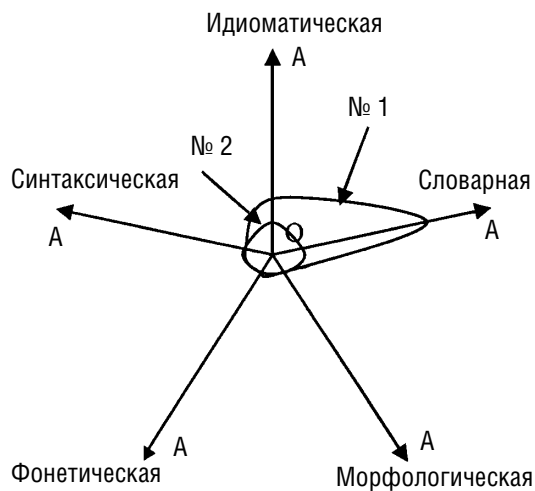

Схема 1

* * *

Итак, на первом этапе переводчик оценивает конвенциональность использованных в ТО языковых средств и старается как можно полнее постигнуть содержащуюся в них информацию (разумеется, эти процессы происходят не строго друг за другом, а слитно). На втором этапе (опять-таки же, деление на первый и второй этап не столько временное, сколько сущностное) переводчик сопоставляет «наличную», эксплицитно выраженную информацию с функцией данного отрывка текста (для чего приведена эта информация и что за ней стоит) и — сознательно или подсознательно — формирует **информативный рисунок** ЕП, который затем необходимо будет воспроизвести в переводе.

Под информативным рисунком мы понимаем набор актуализированных, существенных для коммуникации смыслов, содержащихся в отрывке ТО и подлежащих переводу. В большинстве случаев задача переводчика заключается в том, чтобы средствами переводящего языка как можно точнее передать информативный рисунок оригинала. Для простоты анализа мы предлагаем выделить четыре вида информации, которые могут быть представлены в текстах с разной полнотой: **ситуативная, экспрессивно-оценочная, ассоциативно-образная и стилевая**. Вкратце поясним, что подразумевается под различными видами полноты.

Ситуативная информация – это отражённые в ТО признаки предметной ситуации. Мы предлагаем рассматривать ось ситуативной информации как ось конкретизации: чем точнее в тексте названы предметы, процессы и признаки, чем больше признаков можно выделить у использованных в тексте понятий, тем полнее ситуативная составляющая информационного рисунка. В общем виде можно сказать, что в тексте оригинала (за исключением крайне абстрактных пассажей) ситуативная информация представлена весьма полно, и именно эта информация в первую очередь «приносится в жертву», когда переводчику необходимо обеспечить полноту передачи других типов информации. Ниже мы поговорим об этом более подробно.

Экспрессивно-оценочная информация – это заложенная в тексте авторская оценка происходящего, а также интенсивность проявления тех или иных признаков. Так, экспрессивность стёртого метафорического сравнения (скажем, *злой как чёрт*) ниже экспрессивности авторского метафорического сравнения (скажем, *злой, как семьсот аллигаторов* (Саша Чёрный)). Изменение значений по этой оси тоже можно рассматривать как движение от общего (нуля) к конкретному: информативный рисунок проходит по этой оси ближе к началу

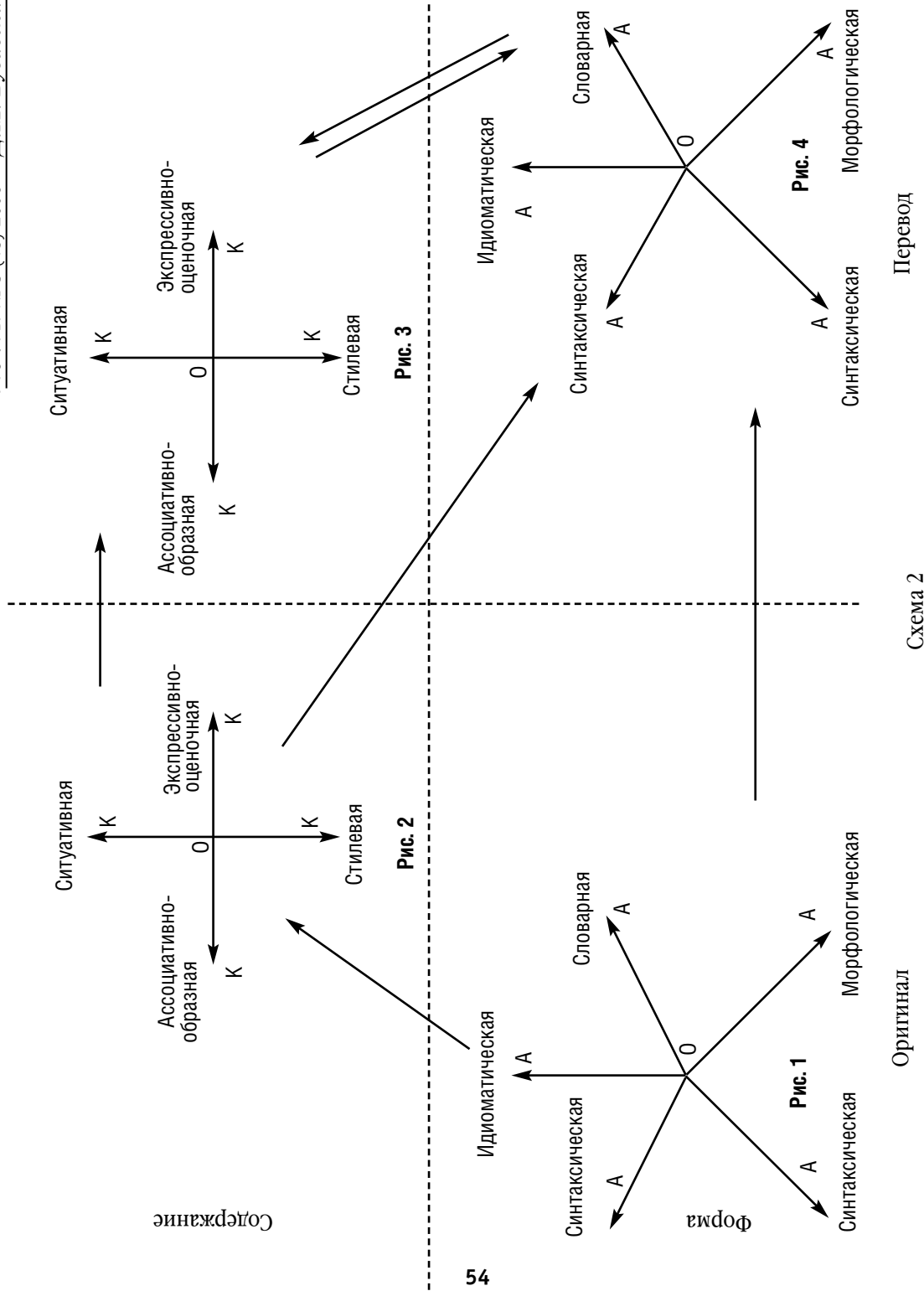
координат, если выраженная в тексте экспрессивно-оценочная информация нейтральна или носит самый общий характер (например, общеположительная оценка умеренной интенсивности), а высокоэкспрессивные средства, выражающие специфическую оценку, соответственно, говорят о большей полноте экспрессивно-оценочной информации в данной ЕП.

Полнота ассоциативно-образной информации определяется наличием или отсутствием в тексте актуализированных ассоциаций (общих для культуры данного языка или индивидуально авторских) и характерных, значимых образов.

Стилевая информация – это степень соотносённости того или иного отрывка текста с тем или иным функциональным стилем, жанром или идиостилем. Минимум такой информации содержится в ЕП, носящих межстилевой характер, которые могли бы встретиться в любом тексте, в речи любого персонажа и т. п., а максимум, соответственно, – в таких отрывках, чья стилевая принадлежность определяется безошибочно.

Определив информационный рисунок той или иной ЕП, переводчик старается воспроизвести его в ТП средствами переводящего языка, тоже, разумеется, более или менее конвенциональными. Таким образом, правая часть предлагаемой нами схемы по построению симметрична левой: слева мы видим характеристику формы и содержания некоего отрывка ТО, а в правой – характеристику формы и содержания соответствующей ЕП.

Ниже мы приводим графическое изображение описанной схемы (схема 2). Сокращения «О» и «А» на рис. 1 и рис. 4 означают «общезыковое» и «авторское» соответственно; сокращения «О» и «К» на рис. 2 и рис. 3 означают «общее» и «конкретное» соответственно. Стрелками показаны возможные направления перевода (от определяющих факторов к определяемым).

* * *

Любая относительно сложная схема вызывает подозрения: есть ли в ней глубокий смысл, или за наукообразной нагромождённостью скрываются банальные мысли, которые можно было выразить без затей? Ниже мы приведём ряд выводов, которые удобно иллюстрировать нашей схемой, и, будем надеяться, они оправдают употребление в переводоведческой статье математического инструментария.

1) То, что в схеме эквивалентность на уровне формы и эквивалентность на уровне содержания разведены и поставлены в отношения дополнительности, снимает, на наш взгляд, вопрос о противопоставлении перевода, ориентированного на содержание, и перевода, ориентированного на форму (буквалистического). Как, в общем-то, хорошо известно и как мы показали графически, любой нюанс формы имеет информативную ценность на уровне содержания. Следовательно, любая попытка механически скопировать при переводе тот или иной формальный элемент (стрелка между рис. 1 и рис. 4) даёт приемлемый результат только в том случае, если сходный элемент формы в переводящем языке несёт примерно то же содержание. При переводе фразы “Dad is reading the newspaper” – «Папа читает газету» английский порядок слов может быть сохранён, так как в обоих языках он нейтрален и позволяет в полной мере передать ситуативную информацию без привнесения чужеродных смыслов. Однако при переводе фразы “The BBC’s original purpose, according to Lord Reith, its first director-general, was to give people not only what they want, but also what they need: **it should educate and inform as well as entertain**”, сохранив порядок следования элементов в конце предложения (...должна не только обучать и информировать, но и развлекать), мы изменим смысл почти что на противоположный, т.е. потеряем информацию о приоритетности. И только анализ стоящей

за английской конструкцией информации (выделение первых двух элементов (ремы) на фоне третьего (темы)) подскажет, что в переводе нужны преобразования: *...должна не только развлекать, но и обучать и информировать*.

2) Данная схема позволяет проиллюстрировать взаимосвязь между конвенциональностью используемых в ТО формальных элементов и информативным рисунком, который за ними стоит и который, как следствие, необходимо будет воспроизвести в переводе. В самом стандартном случае (безоценочный, неэкспрессивный текст, написанный межстилевыми средствами с целью донести ту или иную фактическую информацию) кривая на рис. 1 пройдёт целиком вблизи начала координат, а кривая информативного рисунка будет вытянута по ситуативной оси. Однако с появлением в ТО менее конвенциональных средств кривая на рис. 2 неизбежно будет вытягиваться по одной или нескольким другим осям. В примере из «Левши» неконвенциональное словоупотребление (*разговорная женщина*) приводит к тому, что к ситуативной информации добавляется информация стилистическая (особенности сказа) и экспрессивно-оценочная (юмор). Покажем на схеме 3 (стр. 66), как справляются с передачей информативного рисунка два приведённых выше варианта перевода.

3) Как видим, в данном случае было возможно полностью воссоздать в ТП и довольно сложный информативный рисунок оригинала, но на практике объективные расхождения в лексических, грамматических и других системах любой пары языков далеко не всегда позволяют это сделать. В таком случае переводчик имеет право на понижение уровня ситуативной эквивалентности, т.е. на передачу только тех компонентов ситуативной ситуации, которые позволят как можно лучше сохранить другие части информативного рисунка. Это не карт-бланш на отсебятину и не капитуля-

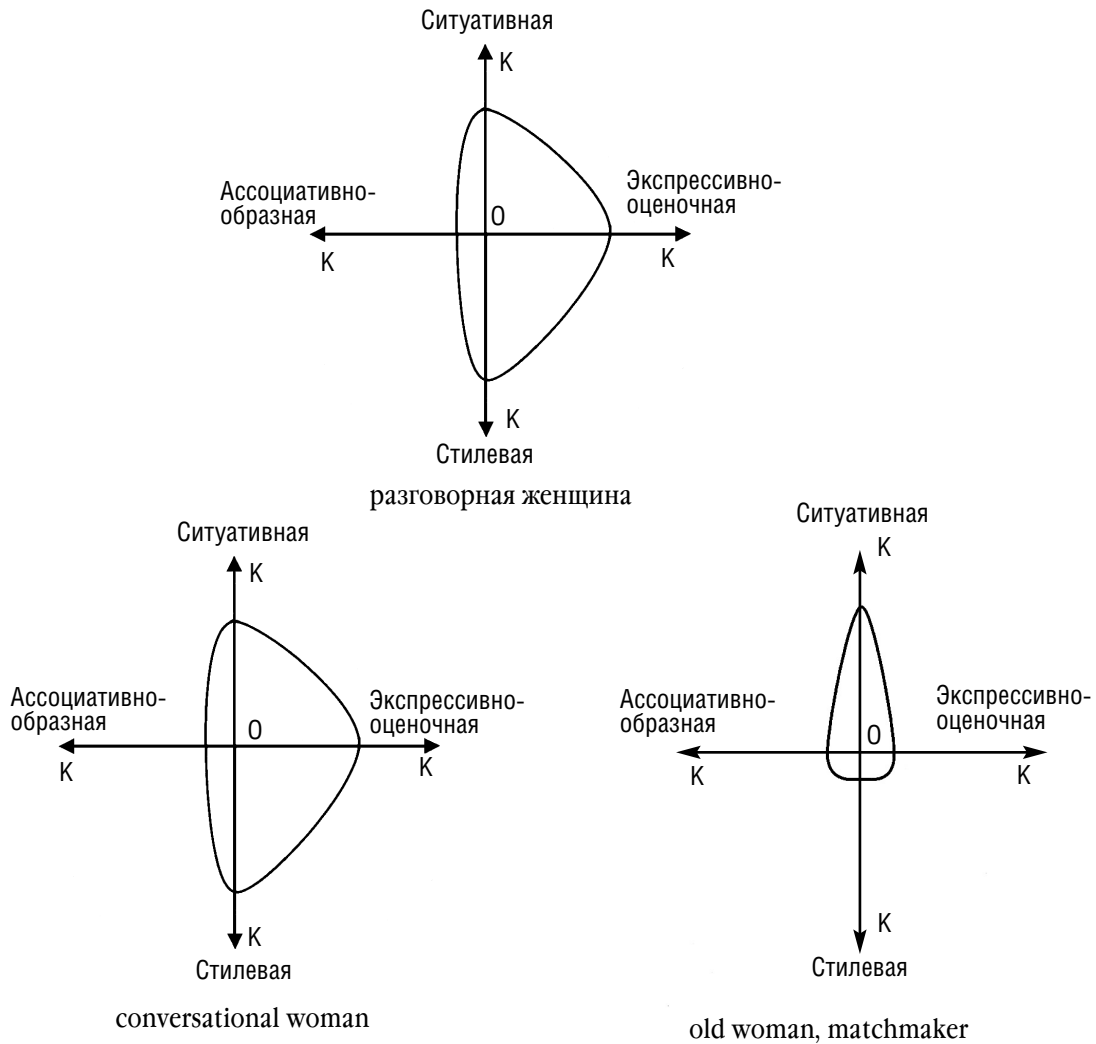

Схема 3

ция перед неперевоодимостью, а рациональное перераспределение приоритетов. Чем своеобразнее автор выражает свои мысли, тем больше внимания он (вольно или невольно) привлекает к форме своего сообщения, а следовательно, акцент в переводе логичнее сделать именно на ту информацию, которую эта оригинальная форма в себе заключает (ещё раз подчеркнём — не на саму форму оригинала, а на её смысл). Поставить во главу угла ситуативную ин-

формацию, как было бы оправданно при работе с конвенциональным текстом, в случае более авторского текста равнозначно тому, как если бы человек стремился передать ощущение от сезанновских «Персики и груш» схематическим изображением кружочков с подписями, где какой фрукт лежит. Можно сокрушаться о том, что чертёж автомобиля не передаёт ощущения стремительности, а по импрессионистскому полотну, изображающему автогонки,

машину не соберёшь. Но гораздо разумнее признать, что обе изобразительные техники хороши в одних обстоятельствах и недопустимы в других. Приведём пример вынужденного и оправданного снижения ситуативной эквивалентности из перевода романа Вен. Ерофеева «Москва – Петушки»: «В этом мире есть вещи... есть такие сферы... нельзя же так просто: встать и пойти. Потому что самоограничение, что ли?.. есть такая заповеданность стыда со времён Ивана Тургенева... и потом – **клятва на Воробьёвых горах**... И после этого встать и сказать: «Ну, ребята...» Как-то оскорбительно...» – “In this world there are spheres where it’s impossible to simply get up and go. Because of self-restraint or whatever, the precept of shame, from the days of Ivan Turgenev, and, **then, the idealism of Herzen’s youth**. And after that to get up and say, ‘Well, boys...’ It’s insulting” (переводчик – Уильям Тьялсма). Цель, с которой выражение *клятва на Воробьёвых горах* употреблено в данном контексте, – вызвать в сознании читателя определённые ассоциации (кто клялся, в чём, исторический контекст и т. п.). Разумеется, у носителей английского языка таких ассоциаций с выражением *the oath on Vorobyovy/Sparrow Hills* не возникнет. Поэ-

тому переводчик обоснованно обобщил ситуативную информацию (клятва – частное проявление идеализма молодости) ради хотя бы частичного сохранения ассоциативной информации (см. схему 4).

4) Как уже говорилось в начале статьи, иногда высказывается такое мнение: любой перевод – не более чем одна из возможных субъективных интерпретаций оригинала, а следовательно, ни одна переводческая стратегия не может быть признана более верной, чем другая. Предложенная нами схема показывает, что это неверно. Если переводчик исходит из информативного рисунка, составленного на основе анализа смысла и конвенциональности употреблённых в ТО языковых средств, он с наибольшей полнотой передаёт именно то, что в конкретном отрезке оригинала имеет наибольшую смысловую нагруженность (сообщение о факте, авторскую оценку или, скажем, юмористическую игру слов). В противном случае переводчик подобен спортивному обозревателю из рассказа Аверченко, который в рецензии на оперу подробно описал масть и родословную лошади князя Игоря. Конечно, и такая интерпретация возможна, но разве не полнее отразил бы критик суть дела, если бы сосредоточился на музыке и

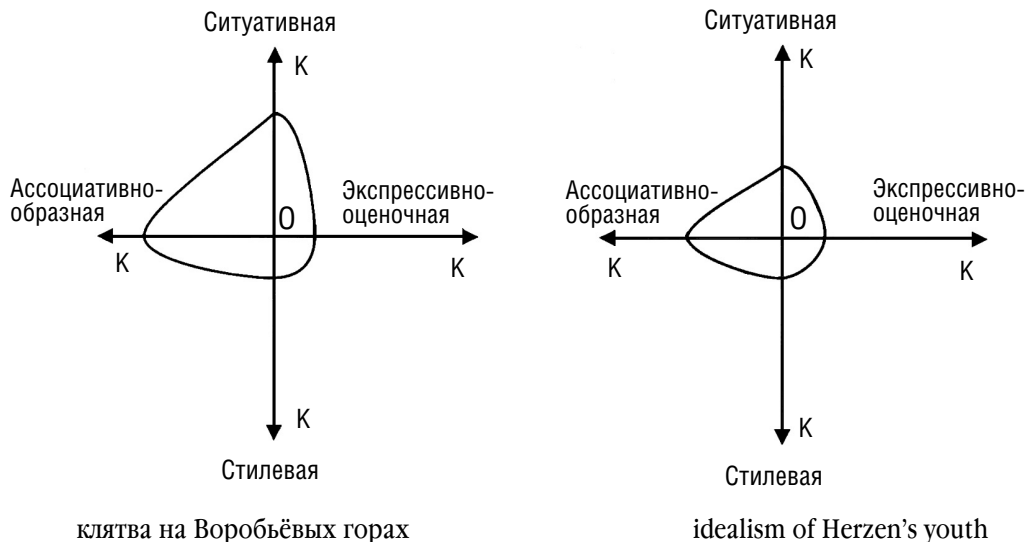

Схема 4

Теоретические основы

лении, даже и пожертвовав информацией конноспортивного характера (хотя зрители, пришедшие в оперу, могли, безусловно, почерпнуть и её)?

* * *

Читатель может выразить недоумение по поводу того, что мы, начав говорить о функциональном рисунке, вдруг перешли к рисунку информативному. Поэтому стоит объяснить, как функциональный анализ сочетается с нашей схемой. Говоря о функционально-переводческой классификации текстов, мы уже отмечали, что редкий текст можно полностью занести в одну категорию и что самый разумный подход – учитывать при переводе все функции, выполняемые тем или иным текстом, имея чёткое представление о том, какие функции выполняют ведущую роль, какие – второстепенную. То же самое можно сказать о конкретных единицах перевода и их сочетаниях, только на этом уровне гамма функциональных оттенков будет ещё разнообразнее.

В рассказе Г. Манро «История святого Веспала» король-язычник, рассердившись на своего племянника Веспала за то, что тот принял христианство, призывает придворного библиотекаря «поговорить» с принцем:

"But where shall I find the necessary arguments?" asked the Librarian.

"I give you free leave to pick and choose your arguments in the royal woods and coppices," said the king; "if you cannot get together some **cutting observations and stinging retorts** suitable to the occasion you are a person of very poor resource."

So the Librarian went into the woods and gathered a goodly selection of highly argumentative rods and switches, and then proceeded to reason with Vespalus on the folly and iniquity and above all the unseemliness of his conduct. His reasoning left a deep impression on the young prince, an impression which lasted for many weeks, during which time nothing more was heard about the unfortunate lapse into Christianity.

Интересно проанализировать функциональный рисунок выделенных слов. Безусловно, они выражают некоторую факти-

ческую информацию (*cutting observations and stinging retorts* = прутья для битья), но еще и создают комизм (юмористическая метафора: прутья как аргументы), и передают вычурный стиль рассказчика.

Как нам представляется, функциональный рисунок нет смысла разлагать по четырем, пяти или десяти абстрактным осям. Задача переводчика в каждом случае определять набор функций предельно конкретно: не просто «передать эмоцию», а «какую именно?», не просто «оказать эстетическое воздействие», а «за счёт чего?». Однако мы не отказываемся от предложенного выше образа «розы ветров», просто оси этой розы будут от случая к случаю меняться.

Так, в данном случае переводчик должен чётко представить себе механизм создания комического: у стёртых метафорических эпитетов *cutting* и *stinging* актуализируются первоначальные «физические» значения, за счёт чего создаётся неожиданная метафора: *arguments* = (*cutting and stinging*) *rods and switches*. Отсюда следует вывод, что в переводе эти эпитеты должны быть переданы такими же расхожими определениями, означающими метафорическую «остроту», но способными при актуализации прямых значений сочетаться со словами типа *прутья*, *розги* и т. п., например: «Ступай в королевские леса и рощи, – сказал король, – и если там ты не наберёшь приличных случаю **гибких доводов и колких замечаний**, грош цена твоей находчивости» (перевод В.К. Ланчикова). Отметим замену *cutting observations* на *гибкие доводы*. Хотя в таком варианте снижен уровень ситуативной эквивалентности, зато в полной мере обеспечена эквивалентность экспрессивно-оценочная и ассоциативно-образная (*гибкие доводы* – функционально уместное клише, а определение *гибкие* удачно поддерживает метафорическую ассоциацию с прутьями). Попытки обеспечить в переводе в первую очередь ситуативную эквивалентность в данном случае приводят к частичному или полному разрушению юмористического эффекта:

Поищи свои доводы в королевских лесах и рощах, – сказал король. – А не сумеешь соединить **колкие наблюдения** с подходящими для этого случая **жгучими возражениями**, значит, ты человек весьма слабых возможностей. (Пер. И. Богданова.)

«Я дам тебе отпуск, чтобы ты пошёл и подобрал свои аргументы в королевских лесах и рощах», сказал король, «и если ты не сможешь найти **острые замечания, язвющие возражения**, подходящие к случаю, то ты человек весьма бедных ресурсов.» (Пер. Е. Гужова.)¹⁸

Наша схема представляет собой трапецию: от формы, где различия между ТО и ТП наиболее велики, к содержанию, где общность (эквивалентность) гораздо выше. Эту схему можно завершить, превратив трапецию в треугольник, если на вершине поставить функциональный рисунок, общий как для отрывка ТО, так и для его перевода.

Таким образом мы сможем обстоятельно ответить на вопрос, с которого начиналась статья: «Что передаётся в переводе?»

Функциональный рисунок передаётся полностью. Возможность такой передачи – залог того, что перевод действительно осуществим.

Информативный рисунок передаётся по возможности точно. Его полная передача – идеал, к которому следует стремиться. При вынужденных отступлениях от исходного рисунка переводчик обычно жертвует полнотой ситуативной информации ради сохранения актуализированной в ТО экспрессивно-оценочной, ассоциативно-образной или стилевой информации.

Форма в переводе последовательно передаваться не может в принципе (т.к. копирование формальных элементов оригинала

¹⁸ Как видно из этого примера, перевод Е. Гужова не только не воспроизводит тонких юмористических нюансов оригинала, но и стилистически несуразен, пестрит смысловыми ошибками и безграмотен с точки зрения русской пунктуации. Однако переводы именно этого автора можно обнаружить в одной из крупнейших и популярнейших русскоязычных интернет-библиотек – библиотеке Максима Мошкова. Можно только искренне пожалеть читателей, которые знакомятся с произведениями Манро по таким несуразным переложениям.

на всех уровнях приведёт к переводу, лишённому смысла, а в конечном итоге – к простому переписыванию ТО). Полные или частичные совпадения отдельных формальных элементов в ТО и ТП оправданны только в том случае, если это способствует (или, по крайней мере, не препятствует) сохранению информативного инварианта. На формальном уровне продуктивнее сопоставлять конвенциональность языковых средств, использованных в ТО и ТП.

Заметим на всякий случай, что такой, функционально-коммуникативный, подход к переводу вполне допускает и множественность адекватных переводов одного и того же текста или его фрагмента, и возможность по-разному оценивать факторы, определяющие функциональный инвариант. Это не схоластическая догма – а живая, здравая концепция перевода, имеющая солидное научное обоснование и дающая убедительные результаты на практике.

Переводческий фольклор

Слово для защиты

После выхода на экраны фильма Г.Н. Данелии «Осенний марафон» фраза: «Коза кричала нечеловеческим голосом» стала расхожим примером безграмотности переводчиков. Пора исправить эту несправедливость, указав на один вполне вероятный её источник.

В статье «Товарищ Ядвига», опубликованной в 1920 году в газете «Новая русская жизнь», которая издавалась в Гельсингфорсе, А.И. Куприн писал: «Почему пожарный репортёр из “Биржёвки” назначен комиссаром Публичной библиотеки, второй в мире по величине и богатству? Весь его литературный стаж заключается в одной бессмертной фразе: “Дог, будучи попавши под колёса трамвая, кричал нечеловеческим голосом”». (Речь идёт о А.А. Прессе, ставшем в феврале 1918 года первым комиссаром Публичной библиотеки в Петрограде).

Так что если какой-нибудь журналист снова вздумает «сделать козу» переводчикам, мы имеем полное моральное право ответить библейским: «Врачу, исцелися сам».